

Александр Амфитеатров

Старые страницы

Александр Валентинович Амфитеатров

Старые страницы (Женское нестроение #3)

«Лондонскій конгрессъ для изысканія мѣръ борьбы противъ торговли бѣлыми невольницами торжественно провалился. Впрочемъ, даже и не торжественно. Онъ просто «не расцвѣлъ и отцвѣлъ въ утрѣ пасмурныхъ дней». Спрятался куда-то – въ самый петитный уголокъ газетъ – и измеръ въ немъ тихую смерть. Похоронили его по шестому разряду и почти безъ некрологовъ. Конгрессъ оказался покойникомъ заурядъ, какихъ отпущено по двѣнадцати на дюжину: ни въ чемъ ни въ дурномъ, ни въ хорошемъ не замѣченъ; ни въ кампаніяхъ не участвовалъ, ни подъ судомъ и слѣдствіемъ не состоялъ; ни орденскими знаками отличаемъ не былъ, ни выговоры и взысканія по службѣ не получалъ. Просто – потоптался на землѣ, покоптилъ небо и исчезъ. И такъ незамѣтно исчезъ, что даже и слѣдовъ по себѣ не оставилъ...»

Произведение дается в дореформенном алфавите.

Содержание

I. Послѣ лондонскаго конгресса	0005
II. «Аглицкій милордъ»	0024
III. Женское невѣжество	0045
IV. Пассажиры второго класса (1897)	0057
V. О медичкахъ	0072
VI. Назарьева	0081

**Александр Валентинович
Амфитеатров
Старья страницы**

I. Послѣ лондонскаго конгресса

Лондонскій конгрессъ для изысканія мѣръ борьбы противъ торговли бѣлыми невольницами торжественно провалился. Впрочемъ, даже и не торжественно. Онъ просто «не расцвѣлъ и отцвѣлъ въ утрѣ пасмурныхъ дней». Спрятался куда-то – въ самый петитивный уголокъ газетъ – и измеръ въ немъ тихую смерть. Похоронили его по шестому разряду и почти безъ некрологовъ. Конгрессъ оказался покойникомъ заурядъ, какихъ отпущено по двѣнадцати на дюжину: ни въ чемъ ни въ дурномъ, ни въ хорошемъ не замѣченъ; ни въ кампаніяхъ не участвовалъ, ни подъ судомъ и слѣдствіемъ не состоялъ; ни орденскими знаками отличаемъ не былъ, ни выговоровъ и взысканій по службѣ не получалъ. Просто – потоптался на землѣ, покоптилъ небо и исчезъ. И такъ незамѣтно исчезъ, что даже и слѣдовъ по себѣ не оставилъ. И, когда человѣчество, устами газетъ, спохватилось:

– Позвольте! куда же, однако, дѣвался конгрессъ?

Многіе, съ изумленіемъ, широко открывали глаза и возражали:

– А развѣ былъ конгрессъ?

А между тѣмъ отъ конгресса многого ждали, и, по идеѣ, онъ стоилъ, чтобы ждали. Нѣтъ государства сколько-нибудь культурнаго, нѣтъ христіанской страны, гдѣ вопросъ о продажѣ женщинъ съ цѣлями разврата не стоялъ бы на очереди, какъ потребность насущно необходимая, какъ язва общественнаго строя, вопіющая о немедленномъ излеченіи. И нѣтъ государства, нѣтъ христіанской страны, гдѣ бы хоть кто-нибудь, кромѣ завзятыхъ идеалистовъ, сентиментальныхъ Эрастовъ Чертополоховыхъ, аркадскихъ пастушковъ соціологіи, искренно вѣрилъ въ возможность подобнаго излеченія. Борьба съ проституціей – одно изъ тѣхъ хорошихъ словъ, которыя надо время отъ времени провозглашать во всеуслышаніе, дабы не «засохла нива жизни», но отъ которыхъ – по пословицѣ русской – «не станется». Этимъ знаменемъ, красиво вѣющимъ по вѣтру, много и ча-

сто машуть, призывая къ бою, но никто почти за нимъ не идетъ въ бой, и никто не бьется за него убить, ни даже раненъ. Если прослѣдить исторію общественныхъ мѣръ противъ пороковъ и бѣдствій, мы – опять-таки всегда и повсемѣстно – увидимъ, что мѣры противъ проституціи, изъ всѣхъ другихъ, самыя неувѣренныя, измѣнчивыя, кодеблющіяся, неудачныя. Это мѣры одинаково бесплодныя и въ крайней суровости, и въ снисходительномъ попущеніи. Гдѣ существуетъ послѣднее, съ невѣроятною быстротою развивается проституція открытая; гдѣ примѣняется первая, съ еще вящею быстротою растутъ проституція тайная и домашній развратъ. Проституція – наслѣдіе первороднаго грѣха, неразрывнаго съ самою природою человѣческою. Борьба съ проституціей – христіанскій завѣтъ, – почти исключительно христіанскій, что и понятно. Лишь общества, признающія половое чувство грѣховнымъ и губительнымъ для человѣчества, полагающія борьбу съ грѣхомъ этимъ необходимою опорою нравственности, а возможность полной побѣды надъ нимъ ставящія краеугольнымъ

камнемъ своихъ религіозныхъ упованій, — лишь такія общества могли исторически преслѣдовать и, дѣйствительно, преслѣдовали проституцію. Общества, не озаренныя свѣтомъ возвышенныхъ духовныхъ началъ, съ нею мирились, ей даже покровительствовали, а, въ лучшемъ исходѣ, если и искореняли ее въ своей средѣ, то — путемъ компромисса, врядъ-ли болѣе нравственнаго, чѣмъ самая проституція: чрезъ дозволенное и узаконенное многоженство или наложничество. Чѣмъ болѣе владѣетъ обществомъ религія тѣла, тѣмъ больше власти и мощи имѣетъ надъ тѣми обществомъ и въкомъ проституція. Чѣмъ сильнѣе развивается въ немъ религія духа, тѣмъ меньше терпимости къ проституціи, тѣмъ ярче ей противодѣйствіе. То общество, которое, дѣйствительно, побѣдитъ первородный грѣхъ, — конечно, освободится и отъ проституціи. Мыслимо ли такое общество, побѣждающее царство вавилонской блудницы и звѣря не только въ мечтательномъ идеалѣ возвышенныхъ и вдохновенныхъ умовъ, но и въ житейской наглядности? Не знаю. Въ

прошломъ его не было, нѣтъ его и сейчасъ.

Провозгласивъ цѣломудріе высшимъ нравственнымъ идеаломъ, христіанство воюетъ съ проституціей девятнадцать вѣковъ, но все еще далеко до побѣды. Болѣе того: чѣмъ дольше и упорнѣе война, тѣмъ она становится сомнительнѣе и даже порою представляется безнадежною. Чѣмъ чаще и громче заявляетъ о себѣ потребность упразднить проституцію, тѣмъ яснѣе и наглѣе подчеркиваетъ эта послѣдняя свою полнѣйшую неистребимость. Это – Лернейская гидра. Когда ей отрубаютъ одну голову, у нея немедленно вырастаютъ двѣ новыя, гораздо опаснѣйшія прежней. Говорятъ, что одинъ въ полѣ не воинъ. Между тѣмъ, въ войнѣ противъ проституціи, у современнаго общества – именно лишь одинъ, истинно могучій мечъ: нравственный идеалъ, вѣщаемый евангельскимъ словомъ. За проституцію же подняты десятки оружій, не только явныхъ, но и потаенныхъ, не смѣющихъ часто не только назвать себя, но даже подать голосъ о существованіи своемъ, и все же существующихъ и вредно дѣйствующихъ; десятки пороковъ, низмен-

ныхъ и презрѣнныхъ, но тѣсно родственныхъ натурѣ человѣческой, — тѣмъ животнымъ проявленіямъ ея, что привились намъ вмѣстѣ съ ядомъ яблока Евы.

Итакъ, побѣдить проституцію лишь то чистое, духовное христіанство, — если возможно оно, — которое окончательно сброситъ съ себя путы животнаго начала и утонетъ въ созерцаніи неизреченной красоты Вѣчнаго Идеала. Такое ликующее, свѣтоносное, безгрѣховное царство обѣщано въ апокалипсическомъ Новомъ Іерусалимѣ. О немъ, какъ новомъ золотомъ вѣкъ на землѣ, мечтали и молились тааъ называемые хиліасты. Но мечты и обѣтованія — загадки будущаго. Въ прошломъ же и въ настоящемъ чистыя евангельскія формы христіанства оказались достояніемъ лишь весьма немногихъ избранныхъ, «могущихъ вмѣстить», — настолько немногихъ, что къ общей массѣ именующихъ себя христіанами они относятся, какъ единицы къ десяткамъ тысячъ. Масса — глядя по вѣрѣ, по вѣку и по настроенію эпохи — признаетъ единицы эти или святыми, или безумцами, и либо покловется имъ, либо учиняетъ

на нихъ гоненія.

Христiавская теорiя и въ наши дни царствуетъ надъ мiромъ. Но царство ея не автократическое, но конституцiонное. Она царствуетъ, но не управляетъ. Ей присягаютъ, ею клянутся, къ ней, какъ высшей справедливости, летитъ послѣдняя апелляцiя челоука, осужденнаго жизнью въ горе и гибель, – но живутъ, хотя ея именемъ, не по ея естественному закону, а по закону искусственному, выработанному компромиссами христiанскаго идеала съ грѣховными запросами жизни. Какъ практическая религiя, христiанство – послѣ первыхъ апостольскихъ дней своихъ – являлось въ многочисленныхъ по наименованiямъ, по всегда крайне тѣсныхъ и немногочисленныхъ по количеству приверженцевъ, общинахъ, которыя, живя во завѣту Христову, свято и цѣломудренно, превращали весь бытъ свой какъ бы въ монастырь труда и нравственнаго самоохраненiя. Въ такихъ обществахъ, посвященныхъ всецѣло «блюденiю себя», разумѣется, и проституцiя становилась невозможною. Но общины эти или были первобытными по самому происхожденiю свое-

му, какъ, напр., первоначальная церковь рыбаей-апостоловъ, или же, возникая протестомъ противъ современной имъ культуры, отрывали отъ нея и возвращали прозелитовъ своихъ къ первобытности, какъ, напр., дѣлаютъ это наши толстовцы. Съ численнымъ ростомъ общины, съ расширеніемъ ея границъ, растутъ и ея потребности житейскія, утягивая ее все далѣе и далѣе отъ того первобытнаго строя, которымъ обуславливалась въ ней чистота и практическая примѣнимость вѣры. Становятся неизбежными компромиссы и уклоненія отъ великой теоріи, — и мало-по-малу, въ молчаливомъ взаимосогласіи чуть не поголовнаго самообмана, практика жизни начинаетъ слагаться именно изъ уклоненій этихъ и умѣнья узаконить ихъ, чрезъ искусное толкованіе нарушенной морали, къ своимъ выгодамъ и удобствамъ. Прививка государственности превращаетъ общую «религію» въ мѣстные «вѣроисповѣданія»; ростъ внѣшней культуры разлагаетъ вѣроисповѣдныя законодательства каждымъ шагомъ своимъ, настойчиво заставляя поступаться въ пользу свою сурово-

требовательный міръ духовный, заслоняя свѣточъ вѣчнаго идеала временнымъ, но яркимъ «сіяніемъ вещества». Культъ тѣла, номинально уступая почтительное первенство культу духа; оттѣсняетъ его фактически на задній планъ; въ маскѣ показного христіанства, жизнь совершаетъ попятную эволюцію къ укладу языческому. А языческій укладъ былъ не врагомъ, но другомъ и сыномъ первороднаго грѣха; онъ не чуждался разврата, но строилъ ему храмы, воздвигалъ кумиры, апоѳеозируя въ нихъ тѣхъ именно проституттокъ, то именно женское продажное рабство, противъ коего выступилъ неудачный лондонскій конгрессъ. «Надѣлала синица славы, а моря не зажгла». Увы! Чистое дѣло требуетъ, чтобы за него брались чистыми руками. Не вѣку, который стрѣляетъ въ дикарей пулями «думъ-думъ», раскапываетъ могилы, чтобы осквернить прахъ мертваго врага, изобрѣтаетъ подводныя лодки, навѣрняка пускающія ко дну любой броненосецъ съ тысячами людей на немъ, швыряетъ динамитныя бомбы и мечтаетъ объ изобрѣтеніи бомбъ міазматическихъ, способныхъ отравлять

всякими заразами атмосферу чуть не цѣлаго государства, — не этому вѣку, такъ усердно причиняющему смерть и такъ боящемуся смерти, сражаться съ развратомъ — ея дѣтищемъ, спутникомъ и сотрудникомъ.

Лондонскій конгрессъ провалился потому, что, при всей симпатичности заявленныхъ имъ цѣлей, былъ втайнѣ плодомъ общественной неискренности. Можетъ ли нападать на проституцію тотъ соціальный строй, котораго она — прямой и необходимый результатъ? Конечно, нѣтъ, — онъ можетъ лишь дѣлать видъ, будто нападаетъ. А если нѣтъ, можетъ ли онъ серьезно и убѣжденно стремиться къ уничтоженію страшнаго рынка, на которомъ обращается этотъ грустный товаръ? Конечно, нѣтъ, — онъ можетъ лишь дѣлать видъ, будто стремится. Ему нуженъ этотъ товаръ, и онъ будетъ имѣть его; товару нуженъ рынокъ, и онъ — несмотря на все обиліе честныхъ и хорошихъ словъ противъ его существованія — будетъ существовать. Быть можетъ, немножко облагообразится, временно надѣнетъ вуаль, но — будетъ! Доколь? До тѣхъ поръ, пока новая нравственная реформа не освѣжитъ на-

шу культуру, начинающую принимать столь разительно схожі формы съ культурой умершаго Рима – до тѣхъ поръ, пока реформа эта не возвыситъ женщину надъ ея современными соціальнымъ уровнемъ, не укажетъ ея права на «душу живу», не дастъ ей въ обиходѣ нашемъ мѣста иного, тѣмъ, – говоря языкомъ политико-экономическимъ, – «предметъ первой необходимости». Покуда женщина остается въ одномъ разрядѣ съ виномъ, хлѣбомъ, солью, мясомъ, кофе, чаемъ и тому подобными вещественными потребностями человѣчества, – до тѣхъ поръ и проституція, и рабскіе рынки проституціи незыблемы. Ибо человѣкъ – животное эгоистическое. Привыкнувъ пить кофе, онъ заботится о томъ, чтобы хорошъ былъ кофе, свѣжъ и вкусенъ, а во все не о томъ, чтобы хозяева кофейныхъ плантацій не совершали несправедливостей надъ своими рабочими и были бы люди высоконравственные. И – если у негодяя-булочника окажется хлѣбъ лучшаго качества, чѣмъ у булочника богобоязненнаго и добропорядочнаго, послѣдній, вопреки всѣмъ своимъ хорошимъ достоинствамъ, можетъ закрывать ла-

вочку: онъ банкротъ.

– Но вѣдь это же парадоксы! – возразить мнѣ читатель-оптимистъ, – софизмы Богъ знаетъ какой давности... Женщина – вещь, женщина – кусокъ мяса, о которой вы говорите, осталась далеко за нами – во мракъ теремовъ, гаремовъ, гинекеевъ. Мы возвысили семейное положеніе женщины. Мы создали вопросъ о женскомъ трудѣ, выдвинули впередъ стремленіе къ женской равноправности...

Возвысили семейное положеніе женщины? Но она до сихъ поръ жена мужа своего фактически – лишь до тѣхъ поръ, пока онъ того хочетъ, и мать – воспитательница дѣтей своихъ – опять-таки, покуда только супругу угодно. Вы имѣете право любить, разлюбить, разстаться съ женою, наградивъ ее отдѣльнымъ паспортомъ и тѣмъ или другимъ денежнымъ содержаніемъ, можете оставить у нея дѣтей, отнять ихъ, можете вытребовать ее къ себѣ по этапу, – она безсильна отвѣтить вамъ подобною же мѣрою; она не властна даже въ личномъ обязательственномъ и имущественномъ своемъ правѣ, и, чтобы вексель жены хоть что-нибудь стоилъ, его долженъ

украшать супружескій бланкъ. Это – разъ. А затѣмъ: чего стоитъ это мнимое возвышеніе женщины въ семьѣ, при общественномъ курсѣ, дѣлающемъ, съ каждымъ годомъ, все болѣе и болѣе затруднительнымъ возникновеніе, поддержку и правильное существованіе семьи? Мы слышимъ всеобщій вопль: «жить нечѣмъ»! Видимъ, какъ недостатокъ средствъ разлагаетъ семью за семьей, какъ быстро растетъ въ брачной статистикѣ процентъ старыхъ дѣвъ, не нашедшихъ себѣ жениховъ, и холостяковъ, уклоняющихся отъ брака, по осторожному принцпау – «одна голова не бѣдна, а ж бѣдна, такъ одна»! Цѣлыя тысячи браковъ, отказавшихся отъ дѣторожденія или практикующихъ пресловутую *Zweikindersystem*. Тысяча матерей, заливающихся слезами при появленіи «лишней и не входившей въ расчетъ» беременности, предпочитающихъ перспективѣ въ мукахъ родовъ и въ недостаткѣ и нуждѣ растить чадо – абортивныя услуги разныхъ секретныхъ акушерокъ и шарлатановъ-докторишекъ... Въ обществѣ, гдѣ женщина вынуждена отказаться отъ дѣторожденія, гдѣ правительства тщет-

но изобрѣтають мѣры, чтобы воспитательные дома, предназначенные для незаконно-рожденныхъ, не заваливались дѣтьми законнорожденными, — не хвалитесь семейнымъ возвышеніемъ женщины.

Вы лишили своихъ женъ материнскаго ихъ предназначенія, а если жена — не мать, то она — по условіямъ мужевладычнаго строя — только либо предметъ вашего удовольствія, либо служанка, трудящаяся на васъ по домашней части. Вы не бьете ее, какъ били ваши предки, — да вѣдь и язычникъ-римлянинъ жены своей не билъ и обращался съ нею изысканно вѣжливо, въ то же время не считая, однако, ее за полного человѣка. Быть можетъ, она даже властвуетъ надъ вами, но властвуетъ не силою нравственнаго права «матери семейства», а по тому же закону, по которому васъ подчиняетъ себѣ излюбленная прихоть, пришедшая по вкусу игрушка. Въ обществахъ, гдѣ семейныя права женщины стоятъ высоко, былъ бы немислимъ тотъ настойчивый вопль о свободѣ развода, что гуломъ идегъ по всѣмъ государствамъ Европы и громче всего едва-ли не у насъ въ Россіи, то

тяготѣніе къ гражданскому браку, что замѣчается положительно во всѣхъ слояхъ, слагающихъ современную жизнь. Мужчины исписали сотни томовъ въ улику женъ, бросающихъ мужей своихъ, какъ перчатки, женъ – безсердечныхъ разорительницъ, кокотокъ семейнаго очага. Есть такія, множество ихъ, и правильно ихъ описываютъ. Но, правильно описывая, забываютъ ту истину, что не растеть пшеница на незасѣянномъ полѣ... Мы вытѣснили изъ обихода нашего жену-мать, – такъ нечего и плакаться, что семейныя поля покрываются волчцами и терніями, пламя домашняго очага гаснетъ, и, во мракъ и холодъ бездѣтныхъ и малодѣтныхъ супружествъ, бѣснуется отъ бездѣлья жена-кокотка, которая не заправская кокотка потому только, что – подходящаго случая покуда не выпало. А выпадеть случай, – и станетъ, ничто же сумняшеся и никого не жалѣя.

Мы создали вопросъ о женскомъ трудѣ и женской равноправности? Но опять – не условная ли это ложь? Не вопросъ ли это, поставленный въ пространствѣ, даже безъ осо-

быхъ стараній объ отвѣтъ? Увы! Если бы имѣлся хоть намекъ на послѣдній, исчезла бы сама собою и добрая половина вопроса о проституціи. Не думайте, что я стану говорить жалкія слова и рисовать избитыя сентиментальныя картины, какъ бѣдная, но честная дѣвушка тщетно искала работы, чуть не умерла съ голоду, чуть не утопилась отъ безработицы и желанія остаться бѣдною, но честною, и какъ, все-таки, жажда жизни взяла свое и бросила ее въ гнусное лоно порока. Все это бываетъ, все это очень жалостно, но дѣло-то не въ томъ. Это – исключенія, это – аристократія падшихъ, это – орнаментъ порока, а суть-то – въ общей ихъ массѣ и заманчивомъ общемъ правилѣ, ею властно руководящемъ. Властность же и заманчивость этого правила заключаются въ томъ, что въ нашемъ высококультурномъ обществѣ ни одинъ изъ видовъ честнаго труда, доступныхъ женщинамъ, не даетъ такого щедрого, быстрого и легкаго заработка, какъ злѣйшій врагъ женскаго труда – развратъ. Награждая женщину самостоятельнымъ трудомъ, мы говоримъ ей чрезвычайно много красивыхъ словъ о сладо-

сти честно заработаннаго куска, затѣмъ любезно предлагаемъ:

— И вотъ вамъ, душенька, прелестная каторга: за 15 рублей въ мѣсяцъ вы будете работать ровно 15 часовъ въ сутки... Сколько счастья!

Всюду, пока, женскій трудъ — отбросъ мужского, черная, кропотливая и мучительно скучная работа, которой мы, мужчины, не беремъ по лѣни, высококомѣрю и потому, что есть возможность свалить ее на женскія плечи, за гроши, какіе мужчинѣ получаютъ «даже непристойно». Это — вездѣ: въ банкахъ, въ папиросныхъ мастерскихъ, въ библіотекахъ, въ магазинахъ, на фабрикахъ, иа телеграфѣ, на полевой уборкѣ — всюду, отъ малаго до большаго, гдѣ трудъ мужской мѣшается съ трудомъ женскимъ.

Требуется съ женщины много, платится мало. Диво ли, что соблазнъ болѣе сладкой и сытой жизни отбиваетъ ее отъ труда и бросаетъ въ разрядъ «продажной красоты»? О предпочтеніи перваго второй можно говорить справедливыя и хорошія слова съ утра до ночи. Но у справедливыхъ и хорошихъ

словъ есть одинъ огромный недостатокъ: какъ голосъ долга, они всѣ требуютъ отъ человѣка подвижничества во имя идеи. Подвижничество же массамъ не свойственно, но лишь единицамъ изъ массъ. Очень хорошо быть Виргиніей, но, если бы Виргиніи встрѣчались по двѣнадцати на дюжину, ихъ не заносили бы на скрижали исторіи, какъ поучительную рѣдкость. И – когда дѣвочкѣ лѣтъ 17–18 предоставляется выборъ между пятнадцатичасовою ежесуточною каторгою и паденіемъ, она обычно предпочитаетъ грѣхъ и сытую жизнь честному труду на житейской каторгѣ. Одной Виргиніей въ спискахъ житейскихъ становится меньше, одной Катюшей Масловой – больше. Эти бѣдныя Катюши Масловы гибнутъ, какъ мотыльки на свѣчѣ – сотнями, тысячами, тупо принимая свою гибель, какъ нѣчто роковое, неотмѣнное. Чтобы мотылекъ не летѣлъ на свѣчу, надо поставить между нимъ и ею надежный экранъ... Такой экранъ, говорятъ намъ, есть женскій трудъ, полноправный съ трудомъ мужчины. Прекрасно. Но сдѣлайте же трудъ этотъ и равноцѣннымъ труду мужчины, потому что

иначе – экранъ дырявый, не заслоняетъ свѣчи. Если выхотите, чтобы женскій трудъ парализоваль проституцію, сдѣлайте его хоть сколько-нибудь способнымъ не теряться въ сосѣдствѣ съ нею своимъ безсильнымъ заработкомъ въ совершеннѣйшій мизеръ; а жизнь честной работницы сдѣлайте сытѣе и, слѣдовательно, завиднѣе мишурной обстановки – «убогой роскоши наряда», достающейся въ удѣлъ продажнымъ женщинамъ. Если общество въ состояніи достигнуть такого блага, проституція погибнетъ сама собою; если нѣтъ, – то благожелательные и краснорѣчивые конгрессы противъ нея – не болѣе, какъ то самое бросаніе камешковъ въ воду, при коемъ Кузьма Прутковъ рекомендовалъ наблюдать круги, ими образуемые, «ибо иначе иной, пожалуй, назоветъ такое занятіе пустою забавою»!

1899.

II. «Аглицкій милордъ»

По всѣмъ газетамъ прокатилась скандальнымъ громомъ, такъ называемая, бекетовская исторія. Власть имущій казанскій земецъ, человекъ изъ хорошей дворянской фамиліи, богатый, образованный, обольстиль бѣдную дѣвушку, сельскую учительницу, состоявшую подъ его началомъ. Когда утѣхи любви привели жертву казанскаго Донъ-Жуана къ интересному положенію, онъ же, Донъ-Жуанъ этотъ, уволилъ ее отъ должности – за развратное поведеніе. Опозоренная и выброшенная на улицу, дѣвушка сдѣлала обольстителю своему колоссальныйскандалъ, обратясь съ жалобою въ земское собраніе, при чемъ разъяснила грязную исторію во всѣхъ подробностяхъ, не пожалѣвъ ни «его», ни себя. Получилась весьма отвратительная картина нравственнаго насилія, начальственнаго понудительства на развратъ и какой-то озвѣрѣлой, бессмысленной жестокости, смѣнившей «любовь» послѣ того, какъ вождельнія были удовлетворены, страсти остыли, наступили пресыщеніе и зѣвота. Зем-

цы были справедливо возмущены, и лишь одинъ въ сонмѣ ихъ остался спокоенъ и даже, можно сказать, величавъ до чрезвычайности – самъ герой сквернаго дѣла. Съ надменнымъ хладнокровіемъ англійскаго или, – какъ въ старину говорилось и какъ на «французско-нижегородскомъ» языкѣ оно лучше выходитъ, – «аглицкаго» милорда, съ краснорѣчіемъ и апломбомъ, достойными лучшаго примѣненія, онъ «имѣлъ честь заявить почтенному собранію», что связи своей съ учительницею не отрицаетъ, но это – его, аглицкаго милорда, частное дѣло, а не вопросъ общественный и, слѣдовательно, обсужденію почтеннаго собранія поступокъ его подлежать не можетъ и не долженъ. Но, сладострастничая en homme privé, онъ считаетъ долгомъ своимъ блюсти цѣломудріе въ качествѣ дѣятеля общественнаго, – и вотъ почему не только почелъ себя обязаннымъ уволить свою жертву отъ должности, но и вмѣняетъ увольненіе это себѣ не въ грѣхъ, а въ заслугу. Онъ обязанъ удалять отъ обучающихъ во ввѣренныхъ его надзору школахъ дѣтей вредные и дурные примѣры, а, конеч-

но, никто не скажетъ, чтобы беременная дѣвушка, въ качествѣ наставницы, была для отрочества примѣромъ поучительнымъ. Словомъ:

— И охота вамъ, гг. земцы, совать носъ не въ свое дѣло, заниматься амурными сплетнями и поднимать много шума изъ ничего. Выгоните вонъ эту распутную дѣвчонку-шантажистку. Что она распутная, это, мм. гг., я полагаю, достаточно доказывается уже нагляднымъ несоотвѣтствіемъ фигуры ея съ данными ея званія; а что она шантажистка, съ ясностью явствуетъ изъ смѣлости ея имѣть какія-то претензіи на помощь и матеріальную поддержку со стороны почтеннаго человѣка, оказавшаго ей честь привести ее въ святое состояніе материнства. вмѣсто того, чтобы безкорыстно довольствоваться тихими радостями такого состоянія и почитать его за нежданное и незаслуженное благословеніе небесъ, она алчетъ наживы, жаждетъ денегъ, требуетъ причитающагося ей содержанія и, лишенная такового, дерзаетъ плакать. жаловаться, проклинать, беспокоя своими кляузми ваше высокопочтенное собраніе. Не всту-

паться за нее должны вы, мм. гг., но благодарить меня за то, что я избавилъ васъ отъ нея и не позволилъ ей запятнать очевидностью своего позора цѣломудренную репутацію вашихъ учреждений. Для сего. мм. гг., я не пощадилъ ни нѣжной прихоти своей къ этой порочной особѣ, – ибо, со всею откровенностью чистаго сердца, долженъ сознаться: она, дѣйствительно, была моею любовницею, – ни родительскаго инстинкта, – ибо, съ тѣмъ же чистосердечіемъ, не позволяю себѣ отрицать: будущій ребенокъ ея – мой ребенокъ. Я Брутъ, мм. гг., и даже больше Брута. Не велика штука покарать порокъ, отрубивъ головы взрослымъ негодьямъ-сыновьямъ, на то у человека и голова, чтобы рубить ее по мѣрѣ надобности, – я же покаралъ родственный мнѣ порокъ, еще не родившійся, въ утробѣ его покаралъ! Итакъ – пусть негодница идетъ въ родовспомогательное заведеніе или, куда ей угодно, а я, во всемъ сіяніи своего служебнаго безпристрастія, во всемъ величіи исполненнаго предъ обществомъ долга, да повлекусь вами въ храмъ славы и да украшусь гражданскимъ вѣнкомъ... «за любострастіе и

жестокость!» А засимъ индидентъ исчерпанъ. Объявляется переходъ къ очереднымъ дѣламъ.

Продѣлка «аглицкаго милорда», встрѣченная повсемѣстнымъ и единодушнымъ негодованіемъ, подала, однако, къ крайнему сожалѣнію, нѣкоторымъ, враждебнымъ земскому началу, органамъ печати и частнымъ лицамъ поводъ швырнуть въ ненавистныя имъ учрежденія обидные и неправо злорадныя упреки:

– Вотъ ваше земство! вотъ ваши излюбленные люди! Вотъ вамъ общественные избранники!

Я такъ полагаю, что этотъ торжествующій крикъ – глупый крикъ. Полагаю также, что, съ другой стороны, неумны и крики тѣхъ, кто, въ преувеличенномъ стараніи отстаивать репутацію земцевъ, – не замѣчая, что она во все не требуетъ защиты, – клянутся и ратятся, будто бекетовскій случай – явленіе единичное, исключительное, баснословное. Это тоже неправда. Бывало все! да! всякое бывало!.. – какъ говоритъ раввинъ Бенъ-Акиба. «Во всякой семьѣ не безъ уroda», – имѣются, понят-

ное дѣло, уроды и въ огромной земской семьѣ. Но обобщать дикости аглицкихъ милордовъ въ постоянное и типическое явленіе, ехидно ставя его на счетъ не собственному ихъ распутству, а общему земскому распорядку, въ состояніи развѣ лишь такъ называемая суздальская критика. Милорды – милордами, а земство – земствомъ. И праведникъ, сказываютъ, по семи разъ на день падаетъ, а въ земствѣ, какъ и въ другихъ общественныхъ учрежденіяхъ, не все же апостолы сидятъ. И если попадаютъ въ среду земскую жестоковѣйныя аглицкіе милорды, со всею присушею имъ склонностью не по поступкамъ поступать, то ужасаясь этой склонности, нечего, однако, сваливать грѣхъ съ больной головы на здоровую. Нечего восклицать:

– Ну, и земщина наша!

Когда гораздо проще и справедливѣе можно и должно воскликнуть:

– Однако, и милордъ!

Разумѣется, земство учреждаетъ школы не для развращенія обучающихся въ нихъ наставницъ – этого и глупѣйшій изъ враговъ земства сказать не посмѣетъ, – а для

просвѣщенія народнаго. И двѣ непримиримо противоположныя цѣли эти могутъ быть перетасованы лишь тамъ, гдѣ во главѣ школь вдругъ, откуда ни хватъ, по щучьему велѣнью, по невѣсть чьему прошенью, возьметъ, да и выплыветъ «аглицкій милордъ», во вкусъ г. Бекетова.

Милорды эти – отрыжка того добраго стараго времени, когда, по словамъ незабвеннаго майора Горбылева, губерніи наши «странами волшебствъ были: на каждой верстѣ по Арапову да по Загоскину сидѣло, а черезъ десять верстѣ для разнообразія, Бекетовы были разсыпаны». Пора была, дворянская пора! Что жъ нынѣшній г. Бекетовъ? Онъ – ничего, по этикъ «страны волшебствъ» мужчина хоть куда, и все несчастіе его – лишь въ томъ, что онъ опоздалъ родиться лѣтъ на сорокъ, и что страна волшебствъ за срокъ этотъ успѣла утратить значительную долю своей крѣпостной фаятастичности. Съ этимъ великолѣпнымъ чувствомъ собственнаго достоинства и глубокой убѣжденности въ мужскомъ своемъ правѣ на безнаказанный грѣхъ, съ этимъ бездушнымъ презрѣніемъ къ

неровнѣ, сдѣлавшейся его жертвою, съ этою
ледяною невозмутимостью совѣсти, съ этою
наивно-откровенною готовностью, въ любой
моментъ, во имя своего похотливаго каприза,
сковать чужое несчастіе, – казанско-аглицкій
милордъ – вылитый портретъ прекрасныхъ
господчиковъ пятидесятихъ годовъ, кото-
рыхъ смѣшно рекомендовалъ тогдашній юмо-
ристъ:

*Лелѣтъ онъ дворянскія
Замашки донъ-жуанскія
И, съ этими замашками,
Волочится за Машками...*

Увы! прошли прекрасные дни Аранжуэца!
прошли и крѣпостныя, и полукрѣпостныя,
собственныя свои Машки, за коими безнака-
занно волочиться было аглицкимъ милорда-
мъ такъ удобно и легко. Что касается донъ-
жуанскихъ замашекъ милорда, онѣ, конечно,
пережили и крѣпостной Аранжуэць, и
крѣпостныхъ прелестницъ, но... примѣнять
ихъ съ прежнею упрощенностью милордъ не
имѣетъ возможности. Онѣ оскудѣль, а зако-
ны процвѣли. Это во-первыхъ. А второе – изъ
былыхъ Машекъ многія давнымъ давно уже

первой гильдіи купчихи, мануфактуръ и коммерціи совѣтницы, а нынѣшній милордъ аглицкій ищетъ чрезъ родного человѣчка теплаго мѣстечка, дабы не положить благородныхъ зубовъ своихъ на полку, сидючи въ неоднократно описанномъ чрезъ судебного пристава Монрепо. Не о г. Бекетовѣ въ данномъ случаѣ, конечно, рѣчь: я о немъ знаю только по газетамъ и о состоятельности его не имѣю понятія, — но объ аглицкихъ милордахъ вообще, родового типа коихъ онъ, въ казанской исторіи; явился столь блистательнымъ представителемъ. Особая черта аглицкихъ милордовъ и нашего времени, — что, въ какое бы государственное или общественное дѣло они ни замѣшались, первое же властное тяготѣніе и вождельніе ихъ — учредить вокругъ себя маленькое крѣпостное право, съ присущими ему ароматами барщины, дворни, дѣвичьей, — конечно, устрояемыхъ не въ открытую и не съ буквально точнымъ соотвѣтствіемъ старымъ идеаламъ, а въ посылныхъ и согласныхъ съ духомъ вѣка приспособленіяхъ, глядя по роду дѣятельности или мѣсту служенія аглицкаго

милорда.

*Снова ловятъ мужиковъ
Въ крѣпостныя сѣти
Николаевскихъ орловъ
Доблестныя дѣти,*

гнѣвно клеймилъ когда-то современныхъ ему аглицкихъ милордовъ Н. А. Некрасовъ. Это поколѣніе ушло, мужикъ отъ крѣпостныхъ сѣтей застрахованъ, онѣ порваны и сгнили, и осталась лишь праздная охота платонически плести ихъ.

Но духъ этого плетенія – всюду, гдѣ живетъ и дѣйствуетъ аглицкій милордъ; это – неизмѣнный, неразрывный его спутникъ, въ родѣ Петрушкина запаха. Призраки барщины, дворни, дѣвичьей идутъ по пятамъ его и распространяютъ свою поганую тѣнь на все, что его окружаетъ, проникая даже въ самыя святыя дѣла и порядочныя области жизни, если онѣ ненарокомъ очутятся въ лапахъ аглицкаго милорда. Земство – по самому существу своему – живое отрицаніе крѣпостничества и сословности, но къ нему, какъ къ сосцамъ здоровой, обильной молоко-мъ и неразборчиво щедрой кормилицы, при-

сасывается множество аглицкихъ милордовъ. И можемъ ли мы, положиа руку на сердце, отрицать, что – въ то время, какъ одни земства, въ рукахъ, чуждой милордскихъ притязаній, всесловной массы излюбленныхъ людей, быстро прогрессировали, просвѣщая и обогащая районъ своихъ дѣйствій, – бывали и бывають у насъ на Руси и такія злополучно-захудалыя земства, гдѣ воля ставшихъ у власти аглицкихъ милордовъ творить, чего ихъ нога хочетъ, обращающа земскія учрежденія въ замкнутыя, вѣчно кейфующіе султанаты, полныя антипатичнѣйшаго самодурства, противнѣйшаго кумовства, угодничества, лести, мздоимства – словомъ, всѣхъ пороковъ дореформенной Россіи, когда она, по вѣщему упреку Хомякова, была «черна неправдой черной и игомъ рабства клеймена». Конечно, все – въ міру, все – въ уменьшеніи по масштабу, приспособленному во вкусъ новаго вѣка, все въ размѣнѣ съ рублей на гривенники. Но рѣчь идетъ не о масштабѣ и размѣрахъ, а о принципиальномъ отношеніи къ земскому дѣлу тѣхъ злоупотребителей его, чью дѣятельность русское остроуміе давнымъ-дав-

но опредѣлило мѣткимъ ходячимъ терминомъ «присосѣдиться къ общественному пирогу». Диво ли, что, воскресивъ въ подобномъ закрѣпощенномъ земскомъ султанатѣ всѣ свои исконныя замашки, аглицкій милордъ-земецъ воскрешаетъ мало-по-малу, въ числѣ ихъ, и родовой инстинктъ гоньбы за Машками, и, обращая взоры свои на служащихъ подъ началомъ или вліяніемъ его интеллигентныхъ или полуинтеллигентныхъ женщинъ – учительницъ, сестеръ милосердія, фельдшерицъ, акушеровъ, телеграфистокъ, счетчицъ, конторщицъ e tutte quante, – блудливымъ окомъ выискиваетъ между нихъ лакомый кусочекъ поаппетитнѣе и подоступнѣе. Вся эта рабочая женская толпа закрѣпощена къ мѣстамъ своимъ бѣдностью и конкуренціей огромнаго трудового предложенія на малый трудовой спросъ почти что не слабѣе, чѣмъ старинныя Машки барскихъ дѣвичьихъ были закрѣплены за господами своими природнымъ рабствомъ. Это – безотвѣтныя и сознающія себя безотвѣтными. Выгонять – что станешь дѣлать? Куда пойдешь? Хоть издыхай, какъ

собака, на улицѣ! «Выгонять», – это вѣчный грозный призракъ, съ насмѣшкою стоящій за плечами каждой русской трудящейся женщины; выгонять и немедленно замѣять другою – изъ безчисленной толпы голодныхъ кандидатокъ, теперь завистливо взирающихъ на нее со стороны жадными глазами. Еще бы! счастливица! служить! 30 рублей въ мѣсяцъ получаетъ... за 14 часовъ работы въ сутки! Господи! да когда же намъ-то, намъ-то выпадеть подобная благодать? Послушайте, господинъ хозяинъ! Увольте ее, мы будемъ работать и лучше, и прилежнѣе, и дешевле! я на 25 пойду! я на 20! я на 15! А я – хоть за квартиру... Только возьмите! примите! не оставьте!.. И, подъ суровымъ сознаниемъ этого горемычно-безпощаднаго соперничества, «счастливица», что называется, зубами держится за свое «счастье... на мосту съ чашкой!» какъ уныло острить язвительное народное присловіе. Она трепещетъ передъ человѣкомъ, властнымъ удержать ее на службѣ или выгнать вонъ съ волчьимъ паспортомъ, прибавить или убавить ей жалованья, лишить ее награды или выхлопотать на-

граду въ двойномъ размѣрѣ. И, если властны-
мъ человѣкомъ является аглицкій милордъ,
то изъ трепета женскаго, рабьяго трепета за
свое существованіе, онъ – какую веревку хо-
четъ, такую и советъ.

Мало что есть подлѣе покушеній мужчи-
ны, власть имущаго въ какой-либо дѣловой
или служебной организаціи, покушеній на
честь женщины или дѣвушки, занимающей
въ такой организаціи скромное рабочее
мѣстечко. Преступленіе это надлежало бы
подвести подъ категорію «съ отягчающими
вину обстоятельствами» – поставить наряду
съ обольщеніемъ опекаемой опекуномъ, уче-
ницы – наставникомъ и т. п., наряду съ тѣми
ужасными насиліями, когда жертва поставле-
на въ невозможность самозащиты. Изъ деся-
ти женщинъ, преслѣдуемыхъ властнымъ
любострастіемъ при подобныхъ условіяхъ, де-
вятъ обречены на неизбѣжное паденіе, а – ко-
торая сумѣетъ сберечь себя, дорого обходится
ей купить свое право на цѣломудріе! Такъ до-
рого, что и самую жизнь свою приходится
иной разъ включить въ эту мрачную цѣну.
Даже въ столицѣ, гдѣ арена женскаго труда

шире и оплата его приличнѣе, гдѣ дѣло больше на людяхъ идетъ и, слѣдовательно, трудящейся легче протестовать, есть кому пожаловаться на обидчика, есть кого и на защиту свою позвать, – даже и въ столицѣ жизнь слагаетъ въ области этой отвратительныя и грозныя сказки. А тамъ – во глубинѣ Россіи, гдѣ «рядомъ лѣсице съ волками-медвѣдями»? гдѣ «мужикъ-пьяница ходитъ, баба необразованная»? гдѣ единственный «интеллигентъ» – это именно твое начальство, отъ котораго ты вся зависишь, въ чьихъ рукахъ и твой матеріальный достатокъ, и твоя политическая благонадежность, и твоя служебная карьера, и самая твоя репутація, потому что – стоитъ начальству дать о тебѣ охмѣтку «сомнительной нравственности», и ты погибла навсегда для труда своего, какъ погибла дѣвушка, опозоренная г. Бекетовымъ. О! аглицкіе милорды великолѣпно знаютъ могущество всѣхъ этихъ орудій доставшейся въ лапы ихъ силы, и умѣютъ ими пользоваться для своихъ дрянныхъ цѣлей и наслѣдственныхъ замашекъ. Эти бѣдныя «уважаемыя труженицы Марьи Ивановны»,

на своемъ тридцатирублевомъ жалованьи, обязанныя изъ него и сами кормиться, и семьямъ посылать, беззащитны столь же, какъ и бывшая «Машки-подлянки»; но – помилуйте! куда же ихъ занятнѣе и пріятнѣе! Что такое была «Машка-подлянка»? Дѣвка-дура, ходячее мясо, самка безсловесная. А вѣдь Марья-то Ивановна – барышня, она наукамъ обучалась, по-французски съ грѣхомъ пополамъ говорить, книжки читала, съ нею и о чувствахъ потолковать возможно, и въ любовь, до поры до времени, благородно поиграть. И удовольствіе свое получилъ, и иллюзію соблюлъ, – какой, Господи благослови, шансъ образованнаго развлеченія въ деревенскомъ невѣжествѣ!

Съ одной стороны – обольщеніе, съ другой – постоянная возможность неотвратимаго нравственнаго насилія, и горитъ между этими двумя огнями бѣдная женская жизнь, и нѣтъ ей ни жалости, ни пощады. Мнѣ скажутъ: ну, голубчикъ, пошли преувеличивать! Не всѣ же падаютъ, многія выходятъ изъ борьбы побѣдительницами... Да, еще бы всѣ! Этого только не хватало! Еще бы всѣ! Вѣдь и

между Машками были такія, что въ омуты бросались, въ петлю лѣзли, а чести своей аглицкимъ милордамъ не отдавали. Но альтернатива-то – именно та же самая: то-есть – между омутомъ, петлею и благосклонностью аглицкаго милорда.

Женскій трудъ обезпеченъ въ спокойствіи своемъ только тамъ, гдѣ порядочны мужчины. Когда мнѣ возражаютъ многія нетрудящіяся женщины, что отъ самой дѣвушки вполнѣ зависитъ поставить себя такъ, чтобы ее уважали, не смѣли къ ней «лѣзть» съ глупостями, понимали ея порядочность и неприкосновенность, – я, грѣшный человѣкъ, думаю, что это фразы. То-есть, можетъ быть, и не вовсе фразы для гостиной, но въ магазинъ, конторъ, банкъ, на телеграфъ – «слова, слова, слова» и только.

– Какое несчастье быть хорошенькою! – искренно вырвалось восклицаніе у моей знакомой барышни, горемычной красавицы, работающей въ одной изъ петербургскихъ банкирскихъ конторъ.

– Что такъ?

– Да то, что вѣчно чувствуешь себя дичью,

которую всякій норовить поймать, зажарить и съѣсть.

А другая говорила мнѣ:

– У насъ хорошій составъ служащихъ: всѣ люди вѣжливые, не нахальные, а все-таки я чувствую, что какъ-то опускаюсь между ними, внизъ качусь... Держать себя я умѣю, и, конечно, никому не позволю неприличныхъ отношеній, но – вотъ въ томъ-то и бѣда, что понятіе неприличныхъ отношеній ужасно растяжимо.

– То есть?

– Да вотъ, напримѣръ, я до поступленія на службу не знала ни одного скабрзнаго анекдота, а теперь у меня ихъ въ памяти – цѣлая хрестоматія.

– Откуда же такая просвѣщенность?

– А отъ Карла Францовича, – это главный агентъ нашъ. Прекрасный человекъ и добрый очень, но – прямо ужъ слабость такая: не можетъ мимо жевщвны пройти, чтобы не сказать двусмысленности. Я сперва хмурилась было, а ему – какъ съ гуся вода. А товарики по службѣ говорятъ: вы напрасно дѣлаете гримасы Карлу Францовичу! Онъ мстительны-

ый, онъ васъ подведетъ... Ну, я и подумала: что же, въ самомъ дѣлѣ, врага наживать? Пусть себѣ вретъ, что хочетъ! Въдь меня отъ того не убудетъ...

Сегодня «меня не убудетъ» – отъ того, что выслушаю сомнительный анекдотъ отъ главнаго агента Карла Францовича.

Завтра – «авось, не слиняю» – отъ того, что директоръ, возвратясь въ контору съ удачной биржи, послѣ веселаго завтрака у Кюба, вдругъ взялъ, да и послалъ мнѣ ни къ селу, ни къ городу воздушный поцѣлуй.

Послѣ завтра – «э! что мнѣ станется!» – отъ того, что главный бухгалтеръ все норовитъ застать меня одну, шепчетъ нѣжныя слова и клянется, что – не будь онъ къ несчастью женатъ, не задумался бы посвятить мнѣ всю жизнь.

«Не пропаду! цѣла буду!..» твердитъ трудящаяся дѣвушка, окруженная этою мелочною мужскою ловитвою любви, твердитъ совершенно искренно и съ убѣжденнымъ желаніемъ дѣятельно уцѣлѣть, уберечь себя. Но – бѣдная! она не замѣчаетъ, что, еще уцѣлѣвъ физически, она уже давнымъ-давно

не уцѣлѣла нравственно, что цѣломудріе ея размѣнивается хитрыми людьми ежедневно, ежечасно, ежеминутно на мелкую монету, что – лишь одинъ неосторожный шагъ, одинъ натискъ ловкаго и смѣлаго ловца, и она затрепещетъ въ рукахъ его, погибшая, осмѣянная, поруганная. Это – все репетиціи падепія, подготовляющія спектакль, слезный и душу раздирающій – и, какъ часто! – кровавый, съ ножемъ или револьверомъ въ финалѣ.

Если дѣло обстоитъ такъ въ Петербургѣ, Москвѣ, Кіевѣ и тому подобныхъ крупныхъ центрахъ, тѣмъ ужаснѣе, повторяю, опасность въ медвѣжьихъ углахъ, гдѣ, на помощь всѣмъ внѣшнимъ факторамъ властнаго обольщенія, приходитъ еще каторжная сучка захолустья, – лучшая поставщица на сластолюбіе аглицкихъ милордовъ. Дьявольскія любострастія хитеръ, и ни одинъ актеръ не умѣетъ лучше его прикинуться «свѣтлою личностью», когда этимъ путемъ возможно ему добиться успѣха въ своихъ темныхъ цѣляхъ. Десятки разъ беллетристика и драматургія русская посвящали силы свои разработкѣ это-

го правдиваго и неизмѣнно насущнаго сюжета и несомнѣнно будутъ возвращаться къ нему еще новыя десятки разъ.

*Lasz, lasz idn seyn!
Er lässt dich ein,
Ais Mädchen ein
Als Mädchen nicht zurücke!*

Громкою и постоянною насмѣшкою звучить предостерегающая пѣсенка Мефистофеля по темнымъ городкамъ, мѣстечкамъ и селамъ, гдѣ столько простодушныхъ Маргаритъ изнывають въ ожиданіи умныхъ и интересныхъ Фаустовъ. И... онѣ ли виноваты, что вмѣсто Фаустовъ судьба и условія русскаго захолустнаго склада посылаетъ имъ лишь переодѣтыхъ аглицкихъ милордовъ.

1900.

III. Женское невѣжество

Отчего такъ темно невѣжественны женщины русскихъ образованныхъ классовъ?

Вопросъ мой можетъ показаться дикимъ и даже возбудить чье-нибудь дешевое гражданское негодованіе: какъ? невѣжественна русская женщина, та русская женщина, которая... и такъ далѣе, и такъ далѣе? И сейчасъ же мнѣ пересчитаютъ нѣсколько десятковъ, а, можетъ быть, двѣ-три сотни русскихъ женщинъ, которыя образованы болѣе самыхъ образованныхъ мужчинъ и – такъ какъ образованность свою русская женщина всегда немедленно переноситъ въ живую прикладную работу на ближняго – то и гораздо ихъ полезнѣе въ общественномъ отношеніи.

Я негодованіе перенесу, примѣры выслушаю и со смиреніемъ преклонюсь передъ ними, а затѣмъ, все-таки, придется повторить вопросъ.

– Я, съ вашего позволенія, говорю не о той образованной русской женщинѣ, «которая... и такъ далѣе, и такъ далѣе», а о русской женщинѣ изъ образованныхъ классовъ вообще.

Не о Софьѣ Ковалевской, не о Сусловой, Каше-варовой-Рудневой, Евреиновой, Венгеровой, Волковой, Савиной, Щепкиной-Куперникъ и тому подобныхъ, но, хотя бы, о супругѣ вашей Марьѣ Ивановнѣ, свояченицѣ вашей Софьѣ Ивановнѣ, о супругахъ пріятелей вашихъ, Клеопатрѣ Николаевнѣ, Аннѣ Сергѣевнѣ, Антонинѣ Прохоровнѣ. Вы – блестящій адвокатъ, супругъ Софьи Ивановны – профессоръ университета, супругъ Клеопатры Николаевны и слѣдующихъ по порядку – ученый врачъ, модный журналистъ, директоръ департамента. Всѣ извѣстны за людей, почтенныхъ не только въ кругѣ своихъ профессій, но и вообще весьма просвѣщенныхъ.

Это, какъ говорится, «интеллигенція». По мужьямъ причисляются къ интеллигенціи и жены ихъ. Но – покуда молчатъ. Ибо, когда онѣ вмѣшиваются въ мужскіе «умные» разговоры, на лицахъ супруговъ ихъ выражается самое страдательное выжиданіе: сейчасъ-де моя ляпнетъ такую нелѣпость, что на недѣлю будетъ смѣху всему городу. И если «моя», противъ чаянія, не ляпнетъ, а съ помощью природнаго ума, счастливо выпутывается изъ

предпрнятой разговорной ававтюры, мужья сияють, словно имъ удалось показать обществу необычайно ловкїй фокусъ. Итакъ, оставимъ въ сторонѣ Софїй Ковалевскихъ и прочую аристократію женскаго ума, а повторимъ лучше: отчего въ русскомъ женскомъ обществѣ только и есть, что – либо аристократки ума, либо «чернь непросвѣщенна», а среднеобразованнаго класса не имѣется?

– Позвольте! Да вотъ, именно, моя Марья Ивановна и всѣ эти Софьи, Клеопатры – какъ тамъ ихъ еще? – и составляютъ этотъ классъ.

– Нѣтъ, онѣ – «чернь непросвѣщенна».

– Ну, ужъ на этотъ счетъ – извинитесь: моя институтъ кончила съ золотою медалью, изъ тѣхъ кто – гимназію, кто – лучше частные пансіоны... Какого вамъ еще образованія? Не всѣмъ же на курсы поступать! Надо кому-нибудь и семью дѣлать.

– И при всѣхъ золотыхъ медаляхъ, гимназіяхъ и лучшихъ частныхъ пансіонахъ, онѣ – круглыя невѣжды. Быть можетъ, именно благодаря гимназіямъ-то и лучшимъ частнымъ пансіонамъ, и невѣжды.

– Вы противъ женскаго образованія?!

– Противъ плохого женскаго образованія. Нужно хорошее.

– Чѣмъ же плохо наше современное?

– Какъ чѣмъ? именво тѣмъ, что оно выпускаетъ въ общество круглыхъ невѣждъ, съ дипломами образованныхъ женщинъ, золотить медалями поверхностное знаніе, которое, года два спустя, переходитъ въ рецидивъ малограмотности. И что годъ, то эта невѣжественность шире и замѣтнѣе распространяется въ женскомъ обществѣ. Если вы встрѣчаете женщину, хранящую слѣды полученнаго образованія, способную проявить, что мозгъ ея – не первобытная, хотя бы и драгоценная глыба, что кто-то когда-то поработалъ надъ нимъ педагогическимъ рѣзцомъ, – этой женщинѣ почти обязательно 30–35 лѣтъ. Это – осколки эмансипаціоннаго теченія, волною докатившагося отъ шестидесятихъ годовъ до половины восьмидесятихъ и тутъ разбившагося...

– Какъ «разбившагося»? Когда же и поразвилось-то оно, какъ не въ наше десятилѣтіе? Посмотрите, – однихъ путей къ самодѣятельности сколько предоставлено те-

перь женщинъ...

— Къ какой самодѣтельности-то? Черненькой! Чтобы стать телеграфисткою, фельдшерцею, акушеркою, конторскою или телефонною барышнею, контрольною счетчицею etc. — общаго образованія не требуется: достаточно спеціальной технической сноровки и того природнаго практическаго смысла, которымъ надѣлено огромное большинство женщинъ. Нѣтъ, говоря откровенно, мы, русскіе, весьма искусно и двусмысленно надуваемъ нашъ прекрасный полъ на оба фронта: и образованіемъ, которое-де «есть залогъ самодѣтельности», и самодѣтельностью, которую предоставляемъ нашимъ женщинамъ лишь въ формахъ доступныхъ почти безъ всякаго образованія. Сидитъ бѣдняжка въ контролъ, переписываетъ въ общую вѣдомость по графамъ съ красненькихъ и зелененькихъ листковъ количество шпаль на перегонѣ между Сивоплюйскомъ и Торчмястойскомъ и недоумѣваетъ: ужели я для того про Лже-Смердиса учила? А, если не для того, то зачѣмъ же, зная про Лже-Смердиса, я не могу найти иного труда, какъ механическое

переписываніе зеленыхъ и красныхъ бумажекъ на бѣлую бумажку? Общество предомноу когда-нибудь да неправо: либо когда заставляло меня учить про Лже-Смердиса, зная, что онъ мнѣ ни къ чему, а придется мнѣ возиться съ зелеными и красными бумажками; либо когда засадило меня за красныя и зеленыя бумажки, хотя я, по приказанію его, выучила про Лже-Смердиса. Такъ какъ красныя и зеленыя бумажки даютъ труженицѣ рублей 40–50 въ мѣсяцъ, а Лже-Смердисъ – ни даже мѣднаго гроша, то она весьма скоро приходитъ, если не къ сознательному, то къ инстинктивному убѣжденію, что красныя и зеленыя бумажки суть вещь, а Лже-Смердисъ – гиль, и забрался онъ, «дуракъ», въ голову контрабандою и удерживать его тамъ не стоитъ... Ну, а затѣмъ процессъ улетучиванія сомнительной гимназической премудрости – разъ начался, такъ уже не прекратится, покуда вовсе не опустошитъ мозги отъ ненужныхъ полужнаний.

– Послушайте! Но зачѣмъ, въ самомъ дѣлѣ, трудящейся женщинѣ какіе-нибудь Лже-Смердисы?

– Рѣшительно незачѣмъ.

– Такъ велика ли бѣда, если она ихъ и позабудетъ?

– Вы вотъ адвокатъ. На Лже-Смердиса ссылаться при защитѣ вамъ, конечно, никакой судъ не дозволить. Однако, вы помните о немъ.

– Помню.

– И считаете нужнымъ помнить, потому что онъ, сколь ни малая песчинка въ пустынь прошлаго, все же составляетъ частицу вашего образованія. А вотъ Марья Ивановна навѣрно не помнить, хотя она всего пятый годъ, какъ изъ института и кончила курсъ съ золотою медалью. И у нея нѣтъ даже извиненія зелеными и красными бумажками, ибо она выскочила замужъ прямо со школьной скамьи въ полную обезпеченность.

– Тоже, батюшка, въ семьѣ-то не до Лже-Смердисовъ!

– Согласенъ. Но въ такомъ случаѣ, когда же до нихъ?

Въ трудѣ – Лже-Смердисы балласть, въ семьѣ – тоже. Кто же воспользуется Лже-Смердисами? Дюжина старыхъ дѣвъ, у которыхъ

не будетъ семьи и которыя достаточно обезпечены, чтобы не искать труда?

— Позвольте: а вотъ эти женщины лѣтъ 30—35, о которыхъ вы говорили выше, онѣ-то своихъ Лже-Смердисовъ пронесли сквозь трудъ и семью?

— Во всякомъ случаѣ, съ гораздо большею памятью, чѣмъ сейчасъ даже только-что «кончалыя» гимназистки.

— Вотъ видите: значить, возможно совмѣстить Лже-Смердисовъ съ практикою жизни.

— Кто же вамъ говоритъ, что нельзя? Не только можно; но должно. Только для этого необходимо одно условіе: чтобы Лже-Смердисы западали въ мозги плотно, вѣковѣчно, съ разсужденіемъ. А, чтобы западали, надо, чтобы ученицы вѣрили, что, обучаясь, онѣ цѣлесообразное дѣло дѣлають, а не въ условныя бирюльки играютъ, черезъ тасканіе которыхъ возможно кое-какъ доплестись до всепокрывающаго диплома. А, чтобы вѣрили, надо, чтобы ученье было достойно вѣры. Если вы сравните женщинъ нашего общества по поколѣніямъ, самыми образованными ока-

жуются гимназистки семидесятых годовъ, еще вѣрившія, что широкая программа предложеннаго имъ образованія ведетъ и къ цѣлямъ широкой дѣятельности. Къ восьмидесятымъ годамъ чисто-образовательный пылъ, не находя себѣ достойной практической работы, уже охладѣлъ. Дѣвушка въ гимназіи уже не столько подготавливаетъ себя къ роли образованной женщины, сколько добываетъ хорошій дипломъ, что по широтѣ программы требуетъ добросовѣстной работы. Въ девяностыхъ годахъ поколебалась вѣра и въ спасительность хорошаго диплома. Дѣвушки съ золотыми медалями часто сидятъ безъ мѣсть. Проклиная Лже-Смердиссвъ, которыхъ онѣ зубрили ради этихъ золотыхъ медалей, между тѣмъ, какъ ихъ подруги, даже не дотащившіяся до конца курса, сидятъ и переписываютъ зеленыя и красныя бумажки за пятьдесятъ цѣлковыхъ въ мѣсяць. Какъ скоро поколебалась вѣра въ хорошій дипломъ, уцѣлѣло, однако, убѣжденіе, что все же нуженъ хотя какой-нибудь дипломъ. Но убѣжденіе это столько разъ опровергнуто при столкновеніи съ дѣйствительностью, что оно

держится уже скорѣе, какъ суевѣріе, чѣмъ – какъ вѣра. Оно непрочно. Прежде была большая рѣдкость, чтобы дѣвочка, разъ попавъ въ гимназію, не дошла до конца курса по инымъ причинамъ, какъ объднѣніе родителей, болѣзнь, вообще – несчастный случай. Въ настоящее время то и дѣло встрѣчаешь дѣвушекъ, прошедшихъ нѣсколько классовъ гимназіи и ушедшихъ изъ нея, несмотря на хорошіе успѣхи. – Почему? – Да мѣсто мнѣ вышло хорошее: приказчицею въ книжный магазинъ. – И не жаль гимназіи? – Какъ вамъ сказать? Вѣдь, большаго она мнѣ не дала бы...

– Словомъ, вы находите, что женщины наши невѣжественны потому, что плохо учатся, а плохо учатся потому, что не видятъ предъ собою практическкхъ результатовъ, вознаграждающихъ за ученіе. А въ инстинктъ образованія для самого образованія вы не вѣрите?

– Очень вѣрю, но онъ, оставляемый въ самодовлѣющемъ состояніи, безъ поддержки практическими возмездіями, создаетъ лишь именно то, что я назвалъ аристократіей женскаго ума: Волковыхъ, Безобразовыхъ, Щеп-

киныхъ-Кудерникъ и т. п. Это прекрасно, но этого недостаточно. Онѣ, какъ свѣтлячки во мракѣ, только выдають свою одинокость среди темной ночи. Вы не имѣете права требовать отъ женщины того, чего не требуете отъ мужчинъ, чтобы онѣ поклонялись солнцу знанія, которое имъ только свѣтитъ, съ такимъ же энтузіазмомъ, какъ будто оно и свѣтитъ, и грѣетъ. Если среди русскихъ женщинъ оказалось и оказывается много избранныхъ натуръ, пробивающихся навверхъ общественнаго интеллекта, слава Богу, возблагодаримъ природу за даровитость русской женщины.

Но возводить мотивы, движущіе избранными натурами, въ общее правило, требовать отъ каждой кандидатки на образованіе, чтобы она была безкорыстнымъ Ломоносовымъ въ юбкѣ, — безсмыслица. Льготы по воинской повинности дали мужскимъ гимназіямъ сразу гораздо большій контингентъ учениковъ, чѣмъ столѣтіе проповѣдей на тему «ученье свѣтъ, а неученье тьма», ибо проповѣди движутъ только умами впечатлительными, а покориться на нѣсколько лѣтъ зубрежкѣ по

гимназической программѣ всякому гораздо выгоднѣе, чѣмъ отбывать полные сроки солдатчины. Дайте русской женщинѣ общественныя права, обусловленныя образованіемъ, и тогда требуйте отъ нея образованія, ужасайтесь, если встрѣтите вмѣсто него невѣжество. А до тѣхъ поръ женское образованіе всегда будетъ ограничиваться дипломною миѳологіей.

1900.

IV. Пассажирки второго класса (1897)

Пробѣжалъ брошюру г. Карѣева – совѣты Юношеству, вступающему въ высшія учебныя заведенія, о выборѣ факультета. Въ нихъ чрезвычайно много дѣльнаго. Но, когда я закрылъ брошюру и отложилъ ее въ сторону, мнѣ пришла въ голову мысль: вотъ и прекрасно: нашу мужскую молодежь профессоръ Карѣевъ «къ мѣсту опредѣлилъ и счастье ея составилъ». Ну, а теперь – что дѣлать съ молодежью женскою? куда ее дѣвать? на какіе факультеты?

*«И тайный голосъ далъ отвѣтъ:
Для женщинъ факультетовъ
нѣтъ!»*

Русская жизнь – давно уже не птица-тройка, но поѣздъ желѣзной дороги, по меньшей мѣрѣ, пассажирскій – со скоростью верстъ двадцати въ часъ... на большее пока претендовать не смѣемъ. «Дѣлаемъ опыты» поѣхать скорѣе, но – поѣдемъ ли, нѣтъ ли, о томъ «на-

чальство знаетъ». Въ поѣздѣ этомъ русская женщина – въ образовательномъ отношеніи – вѣчный пассажиръ второго класса: она ушла отъ первобытной простоты, населяющей классъ третій, и зато признана «барыней», награждена извѣстнымъ комфортомъ путешествія и нѣкоторымъ респектомъ со стороны господъ кондукторовъ; но въ первый классъ – къ верхамъ развитія – ей нѣтъ хода, какъ рядовому нельзя ѣхать въ одномъ вагонѣ съ генераломъ: не доросла.

Да и доростать негдѣ. Всѣхъ на медицинскіе курсы не упрячешь и подъ консерваторскіе своды не вмѣстишь. А, строго разбирая, факультетовъ, дающихъ женщинъ, по окончаніи курса ихъ, практическіе житейскіе результаты, только и есть пока, что два: медицинскій да изящныхъ искусствъ, включая сюда и беллетристику, за послѣдніе годы, если не качественно, то количественно, въ значительной степени отвоеванную женщинами у мужчинъ.

Вольнопрактикующіе, платоническіе факультеты, безъ практическихъ послѣдствій курса на нихъ, – не въ счетъ: это – дилетант-

ство, доступное лишь самому ограниченному кружку обезпеченныхъ женщинъ. Факультетъ долженъ дать человѣку дѣятельность.

А дѣятельность – помимо всѣхъ своихъ благихъ задачъ во внѣшнемъ кругѣ ея распространенія, помимо альтруистическихъ цѣлей, работы на пользу ближняго и общества – имѣеть еще непреложныя цѣли самодовлѣющія, эгоистическія. Она должна дать дѣятелю средства къ существованію въ томъ размѣрѣ, хотя бы относительномъ, какое, примѣнительно къ уровню развитія общества, заслуживаютъ его талантъ, энергія и подготовка къ своему дѣлу.

Такихъ факультетовъ для русской женщины пока, – повторяю, – только два: медицина и искусство.

Бываютъ, конечно, случаи практическаго женскаго успѣха и на другихъ поприщахъ, но это – исключенія. Одна ласточка не дѣлаеть весны. О такихъ женщинахъ газеты печатають извѣстія въ отдѣлахъ «Смѣсь», «Разныя разности» «Курьезы и раритеты», и пр. Вообще, я только тогда рѣшусь повѣрить, что съ женскимъ вопросомъ у насъ обстоитъ благо-

получно, и онъ гладко катится по рельсамъ къ какой-нибудь опредѣленно намѣченной станціи, а не на авось, куда кривая выведетъ, – когда перестану встрѣчать въ печати поощрительные анекдоты о женщинахъ-врачахъ, женщинахъ-адвокатахъ, женщинахъ-биржевикахъ, женщинахъ-управляющихъ крупными предиріятіями, точно о двухголовомъ теленкѣ или говорящемъ моржѣ. Какъ-то разъ мнѣ попалась въ руки книжка, подъ названіемъ – «Подвиги женскаго ума», необычайно страстно написанная въ доказательство, что, ей-Богу же, и у женщинъ есть голова, на плечахъ, и онѣ, хотя и не въ большинствѣ, – до такой смѣлости авторъ въ своемъ рыцарствѣ не дошелъ, – встрѣчаются пресмысленныя.... Невысоко стоитъ культура въ обществѣ, ищущемъ доказательствъ единичными примѣрами, что дважды два – четыре.

За исключеніемъ названныхъ факультетовъ, дающихъ женщинѣ нѣкоторую самостоятельность, возможность идти дорогою жизни, безъ опоры на мужскую руку, остается еще одинъ факультетъ – факультетъ замужества. Несмотря ни на какія приманки свободы, онъ

быль, есть и еще долго будет самым людным, потому что он самый обеспеченный, самый сытый. Пусть половина мужей рвет на себѣ волосы отъ неудачныхъ женъ, а половина женъ бросается на шею любовникамъ отъ неудачныхъ мужей. Все-таки, всюду и всегда *chaque vilain trouve sa vilaine*, – Исаія ликуетъ, и свадебныя кухмистерскія процвѣтаютъ.

Число неудачныхъ браковъ огромно и все растетъ. Доходы разводныхъ дѣлъ мастеровъ увеличиваются со дня на день. Они строятъ пятиэтажные дома и ставятъ свѣчи за долготѣе строгихъ законовъ о разводѣ. Будь законы мягче, мастерамъ пришлось бы положить зубы на полку: вопервыхъ, пала бы такса на ихъ облегченный трудъ, а вовторыхъ, разводовъ – можетъ быть, весьма многочисленныхъ въ первое послѣ смягченія время, въ періодъ, такъ сказать, диворціальной горячки – вскорѣ сдѣлалось бы гораздо меньше. Одна изъ главнѣйшихъ причинъ несчастій въ русской супружеской жизни, доводящихъ мужа и жену до развода, это мужское сознаніе: ты – моя неотъемлемо и будешь моею всю

жизнь, до самаго гроба, какою бы свиньею я, по отношенію къ тебѣ, себя ни вель. А въ отвѣтъ звучитъ старый мотивъ брачнаго условія изъ «Периколы»:

*Какъ аукнется,
Такъ и окликнется, —
Будутъ бить меня,
Буду бить и я!*

Въ результатъ — два озленныхъ, часто совершенно разной породы звѣря, запертыхъ въ одну клѣтку, грызущихся денно и ночью и умиротворяющихся лишь, когда — либо разсадили ихъ за безчинство врозь, либо къ старости, потому что зубы притупились, да и ѣсть другъ въ другъ уже нечего.

Мужчины въ несчастныхъ бракахъ виноваты всегда больше женщинъ, потому что они — узаконенно сильная сторона, власть безапелляціонная, протестовать противъ которой женщина можетъ лишь грѣхомъ и преступленіемъ. Дайте къ выходу изъ брака законную дверь, и женщины станутъ меньше скользить изъ него сквозь незаконныя лазейки, вызывая тѣмъ мужское негодованіе и мщеніе и осуждая себя на каторжную, — без-

путную и трусливую, – жизнь. Меньше, хотя бы уже потому, что запретный плодъ свободы, переставъ быть запретнымъ, теряетъ половину своего соблазна. А мужчины станутъ лучше вести себя въ бракъ и человѣчнѣе обходиться съ женами. Гражданскія жены, въ огромномъ большинствѣ, пользуются отъ своихъ мужей и лучшимъ обращеніемъ, и даже большею вѣрностью, чѣмъ жены законныя, по нерасторжимому церковному обряду.

Одна изъ причинъ, порождающихъ несчастные браки – спеціально, съ женской стороны:

– Въ бракъ скучно.

Скучно и для мужчины, и для женщины, но для перваго – съ меньшею интенсивностью.

Источникъ скуки – именно, что мы оставили женщину пассажиромъ второго класса, тогда какъ сами пошли въ первый. У насъ – наука, искусства, общественная и политическая дѣятельность. У женщинъ – только «мужъ». Слово короткое, но тѣмъ не менѣе – съ большою претензіей вмѣститъ въ себя невмѣстимое и объять необъятное.

Наши мужья и жены, обыкновенно, раздѣлены между собою образовательною дистанціей огромнаго размѣра, которую скрываетъ только природный женщинѣ здравый смыслъ, инстинктивный тактъ, да самолюбіе, выработавшее для нея цѣлую систему безобиднаго примѣненія къ мужскому превосходству. Да и то скрываетъ лишь на первый взглядъ. Говорятъ, что восемнадцатилѣтняя дѣвушка старше, по характеру, двадцатипятилѣтняго мужчины. Это – только въ области чувства. Когда чувство насыщено, а тѣмъ болѣе пресыщено, девять десятыхъ мужей остаются въ великомъ затрудненіи:

– Что имъ, собственно, дѣлать дальше со своими женами?

А дальше – это, excusez du peu, цѣлая жизнь. Послать въ дѣтскую, въ кладовую, на кухню, – тамъ, молъ, твое мѣсто? Неловко: цивилизація мѣшаетъ, передъ народами Европы совѣстно. Зачѣмъ-нибудь да переводили же мы женщинъ изъ третьяго класса, – отъ теремовъ, – во второй-то классъ. Онѣ – не бабы, а дамы. Онѣ – хоть и отстали отъ насъ –

образованная. Или, вѣрнѣе сказать, полуобразованная. Мужъ – кандидатъ правъ; жена – гимназистка. Учатъ нашихъ гимназистокъ плохо: по программѣ Sainte Nitouche – «немножко ариѳметики, немножко географіи» и, въ отличіе отъ этой программы, даже не очень много иностранныхъ языковъ. Сошлась эта пара. Она – ангелъ, онъ – божество. Ангелъ и божество цѣлуются, пока выдерживаютъ губы, но и долготерпѣнію послѣднихъ бываетъ предѣлъ. Въ одинъ прекрасный день зѣвнуло божество, завтра зазѣваль ангелъ. Жизнь стучитъ въ окно и зоветъ къ своей поденщинѣ. И, прислушиваясь къ зову, и ангелъ, и божество убѣждаются, что поденщина-то имъ на долю выпадаетъ совсѣмъ разная – у мужа она интересная и живая, потому что въ ней и наука, и политика, и общественная дѣятельность, а у жены: дѣти и хозяйство. Но, если такъ, – то деревенскія бабы легче рожаютъ, чѣмъ городскія жительницы, и ихъ же приходится приглашать мамками въ помощь сосцамъ образованныхъ, изсушеннымъ, въ періодъ сдачи экзаменовъ на право сидѣть во второмъ

классъ; замоскворѣцкія купчихи и волжскія старообрядки пекутъ пироги вкуснѣе дипломированныхъ барышень съ кулинарныхъ курсовъ. Словомъ и слѣдовательно, отъ примитивныхъ своихъ грубыхъ функцій – наша дама ушла, а заполнить пустоту, созданную ихъ сокращеніемъ, мы ей ничѣмъ не даемъ.

Мнѣ всегда противно слышать, когда мужъ говоритъ скучающей отъ праздности женѣ:

– Что ты все лѣнтяйничаешь? Займись хоть чѣмъ-нибудь!

И я, не безъ злобнаго удовольствія, наблюдаю, какъ – на унылый вопросъ жены:

– Скажи чѣмъ? – дѣятельный супругъ никогда не находитъ толкомъ, что отвѣтить, и, потоптавшись малую толику въ безсильномъ недоумѣніи, непременно придетъ къ традиціонному совѣту:

– Ну, книжку прочла бы...

– Какую?!

А за «какую» – если послѣдуетъ рекомендація – раздается и «зачѣмъ»? И раздается слезно.

Именно – «какую» и «зачѣмъ». Читатъ Бур-

же – не дѣло, а читать Милля и Спенсера – не подѣ силу для ума, вмѣстившаго въ себя лишь немножко ариѳметики, немножко географіи и очень немного иностранныхъ языковъ.

Въ періодъ жениховства, мужчины невѣроятно щедры на совершенно неисполнимыя обѣщанія. Къ чести жеищинъ, надо сказать, что большинство ихъ прекрасно сознаетъ свою образовательную приниженность сравнительно съ мужчиною. Кто не слыхаль отъ своей невѣсты:

– Я такая глупенькая... Меня дурно учили... Ты не будешь смѣяться надо мною за это? Ты можешь мнѣ стать такою же умною, какъ ты?

И кто не отвѣчалъ съ паѳосомъ, рука на сердцѣ, ноги циркулемъ!

– О, да, моя дорогая! мы докончимъ твое образованіе... я подниму твой умственный уровень, и мы будемъ трудиться вмѣстѣ...

И кто не лгалъ въ эту минуту? Когда «доканчивать образованіе жены», если то и дѣло являются маленькія существа, въ свою очередь требующія образованія? Мыслимо ли

«работать вмѣстѣ» надъ интегралами съ сотрудниками, который не совсѣмъ твердо увѣренъ, чѣмъ питается коэффициентъ, и не есть ли онъ насѣкомое изъ разряда жесткокрылыхъ? А «поднимать умственный уровень женѣ» – исполинское самохвальство: самому чуть не сорокъ профессоровъ четыре года создавали этотъ уровень и, все-таки, создали его только съ грѣхомъ пополамъ, а тутъ на поди – какой молодецъ: одинъ одишешенекъ, прочелъ дамочкѣ вслухъ двѣ популяризаціи, топнулъ, свистнулъ, и по щучьему велѣнью, по моему прошенью, выросла изъ земли образованная женщина!

Нѣтъ, такъ не дѣлается. Бракъ – не школа, бракъ – уже жизнь. И, чтобы жизнь не была тяжела, пуста и скучна, надо войти въ нее уже послѣ школы. Надо, чтобы школа была подготовительною ступенью къ ней, – и школа основательная.

Мы плохо учимъ женщинъ – и онѣ мстятъ намъ, осужденныя невѣжествомъ на праздность, скукою жизни переливающейся въ семейный разладъ.

– Какъ Анна Сидоровна не умѣетъ жить, –

слышишь часто, – хандрить, скучаеть, влюбляется безъ толку, травилась раза два... съ жиру бѣсится!.. а вѣдь не безъ способностей женщина: играетъ, поеть, рисуеть... пріятные таланты имѣеть.

Почти всѣ женщины имѣють «пріятные таланты». Въ этомъ еще ихъ спасеніе. Талантъ, хотя бы и небольшой, только «пріятный», – очень большая сила, огромное житейское подспорье, могучій противовѣсъ именно той скукѣ жизни, о которой шла рѣчь, потому что талантъ – самъ по себѣ уже дѣло, самъ по себѣ можетъ заполнить жизнь. Къ сожалѣнію, наша воспитательная система, и въ области пріятныхъ талантовъ, не согласна вести женщину дальше второго класса. Наши барышни не играютъ, а «бренчатъ», не рисуютъ, а «мазюкають», не поють, а исполняютъ аріи изъ оперы «Завой-завой, собаченька завой, сѣренькій волчокъ». Умѣть все это надо, – требуютъ заимствованныя изъ Европы условія второго класса, – но умѣть не серьезно, а такъ себѣ – кое-какъ и между прочимъ. Захотѣла заняться искусствомъ по-настоящему, – ступай въ консерваторію, въ

академію художествъ, въ специальное учреждение и дѣлайся артисткою, художницей par excellence. Въ системѣ общеобразовательныхъ учебныхъ заведеній эстетическое воспитаніе совсѣмъ забито, преподаваніе искусствъ шаблонно, вяло, скучно и – безъ всякаго разбора слушательницъ, всѣмъ въ одной программѣ, всѣмъ по одному образцу. Была бы соблюдена форма, – и дѣлу конецъ. «Молитва дѣвы» да «Головка неаполитанской дѣвочки», «*pas de châte*», да *La jeune captive*, – и все обстоитъ благополучно: трафаретъ заполненъ, педагогическій подрядъ на дѣвицу съ искусствами сданъ въ аккуратъ.

Развивайте съ ранняго возраста въ женщинѣ какое-либо природное ея дарованіе наряду съ общепрограмнымъ знаніемъ, развивайте серьезно, чтобы она – если ужъ судьба ей покуда сидѣть врозь съ ѣдущимъ въ поѣздѣ жизни по первому классу супругомъ, – по крайней мѣрѣ, не тосковала въ своемъ одиночествѣ, имѣла бы чѣмъ его заполнить. Пусть она будетъ имѣть дѣльное влеченіе, въ которомъ будетъ самостоятельною хозяйкою, сильною и знающею.

Жена, способная изучить концертъ Листа и фугу Баха, написать въ-серьезъ этюдъ съ натуры и т. д., не будетъ слоняться по дому, размышляя, что ей дѣлать – повѣситься, отдаться сосѣду съ красивымя усами, или ѣхать къ бракоразводныхъ дѣлъ спеціалисту, чтобы онъ поскорѣе освободилъ ее отъ скучнаго мужа, который вѣчно занятъ, ничуть ея «не понимаетъ» и – на всѣ ея мечтанія – не знаетъ другого отвѣта,

– Блажишь!

Или:

– Это у тебя, голубушка, нервы. Прими калибромати, да ложись спать!

1897.

V. О медичкахъ

Изъ чуть не тысячной массы кандидатокъ, стучавшихся въ двери женскаго медицинскаго института, строго взыскательныя двери эти пріотворились всего лишь для четвертой части желающихъ. Что разочарованій, сколько разбитыхъ надеждъ, слезъ явныхъ и тайныхъ! Всякій промахъ по чаемой цѣли досаденъ, но промахъ послѣ долгаго, тщательнаго прицѣла, на который положено много упорнаго, страстнаго, внимательнаго труда, можетъ свести человѣка съ ума, повергнуть его въ бѣшенство и отчаяніе. Прицѣлъ кандидатокъ на счастье попасть въ слушательницы медицинскаго института мучительно труденъ. Одна латынь – во что обошлась этимъ горемычнымъ неудачницамъ, оставшимся нынѣ при отказѣ, «за неимѣніемъ мѣста». Сколько умственной и физической энергіи брошено въ печь, растрчено понапрасну? Сколько нравственныхъ искусовъ и испытаній претерпѣно въ пустую!

Къ среднему школьному образованію женщины русское общество уже привыкло, но на

высшее все еще смотреть съ недовѣріемъ, какъ на какую-то необычайную роскошь быта, — изрѣдка равнодушно, чаще даже враждебно. Вырваться на курсы высшаго учебнаго заведенія изъ семьи — для русской дѣвушки, чающей свѣта, дѣло не легкое, особенно на курсы медицины, компрометтировать репутацію и обстановку которыхъ старались разные псевдоохранители цѣлыя сорокъ лѣтъ съ усердіемъ, достойнымъ лучшей участи. Конечно, въ Россіи уже не мало развитыхъ отцовъ и матерей, сознающихъ, что лучше дочери ихъ завоевать, вмѣстѣ съ врачебнымъ дипломомъ, право и возможность самостоятельнаго существованія, чѣмъ повиснуть супружескою обузою, безъ любви, уваженія, счастья, на шеѣ перваго встрѣчнаго. Но ихъ, сравнительно съ общею родительскою массою, все-таки, лишь капля въ морѣ. Я не ошибусь, если скажу, что изъ полутысячи дѣвушекъ, такъ печально оставленныхъ нынѣ за флагомъ, развѣ десятая доля разсталась съ роднымъ домомъ безъ драмы бурной или сентиментально-слезной. Въ жертву богу просвѣщенія, съ надломомъ сердечнымъ, приносились

лучшія родственныя и дружескія отношенія, рвались иной разъ узы крови или свойства. Что охлажденій между «отцами» и «дѣтьми», что разстроившихся или надолго отсроченныхъ свадебъ! И вотъ, когда драмы завершены, а жертвы принесены, бѣднымъ дѣвушкамъ съ насмѣшкою показываютъ изнанку просвѣщенія – «много-де званыхъ да мало избранныхъ», – точно говоря:

– А вѣдь просвѣщеніе-то, которое вы обожествляли, совсѣмъ не божество. Оно – злой духъ, грозный идолъ, Молохъ. Жертвы и слезы ваши оно приняло, а воздаянія себѣ за нихъ не ждите!

Можно съ увѣренностью предсказать, что, по крайней мѣрѣ, треть изъ нынѣ отвергнутыхъ высшимъ образованіемъ дѣвушекъ погибла для него навсегда и уже никогда не придетъ вновь стучаться въ его ворота. Не по нежеланію, а по невозможности. Однѣ – потому, что падутъ духомъ отъ неудачи: стало быть, молъ, судьба моя такая! Другія – потому, что *non bis in idem*: однажды удалось побѣдить семью, а – въ другой разъ удастся ли, бабушка очень надвое говорила; да и нѣтъ

силы для новой войны: и душа, и нервы поистратились, и смѣлость не та – особенно, послѣ пораженія-то у дверей института... Ибо – какъ вы думаете? – мало ли теперь на Руси семей, гдѣ идетъ систематическое пиленіе неудачницъ:

– Что, моль, ученая? Обожглась? То-то! Вишь чего захотѣла – умнѣе родни быть! Какъ же! Не видали въ Питерѣ такихъ! Вотъ и оборвалась, Полно дурить-то! Какая тамъ медицина? Выходи-ка лучше замужъ, благо Елпидифоръ Истукаріевичъ дѣлаетъ тебѣ честь – сватается. Прекраснѣйшій человѣкъ... и свѣжій какой: никто и не подумаетъ, что ему шестидесятый годъ, и онъ тридцать пять лѣтъ на службѣ! Выходи, Машенька, утѣшь насъ! По крайности, мать, отца успокоишь на старости лѣтъ и сама гнѣздо совѣешь... Ахъ, хорошо свое гнѣздо!

Иной фанатикъ просвѣщенія, пожалуй, скажетъ:

– Что же дѣлать? Отпадутъ, такъ и пусть отпадаютъ! Уходомъ своимъ онъ докажутъ только, что не серьезно и не глубоко рвались къ просвѣщенію и были бы въ области его

лишь посредственными ремесленницами, малодушною чернью. Истинно вдохновенныя труженицы, женщины призванія, не полѣнятся приходить къ дверямъ института съ благородною настойчивостью изъ года въ годъ до тѣхъ поръ, пока не отверзется имъ. И, конечно, то будетъ цвѣтъ русскаго женскаго общества, избранницы, героини. А – что касается малодушной черни, такъ жалѣть ли, если она отхлынетъ отъ науки? Пусть ее себѣ сидитъ дома и прядетъ шерсть, къ удовольствію родителей, супруговъ, чадъ и домочадцевъ: коли это она предпочла тому, – тутъ, значить, и ея призваніе!

А по-моему, въ томъ-то и горе, что мы лишаемся этой «малодушной черни». Нужна она, чернь-то. Русская наука, русское образованіе ужасно аристократично по результатамъ: оно все создаетъ либо дирижеромъ, либо первыя скрипки, а оркестра-то у него и нѣту. Человѣкъ съ высшимъ образованіемъ въ Россіи – существо, возвышенное надъ общимъ уровнемъ, отмѣченное, во мнѣніи нашемъ, не только правомъ, но и обязанностью идти прямехонько *ad astra*, покуда силъ хва-

титъ. Такой взглядъ дѣлаетъ честь нашему уважительному отношенію къ высшему образованію, но, въ практической сущности дѣла, онъ лишь подчеркиваетъ недостаточность его распространенія въ средѣ нашей. Не то истинное просвѣщеніе края, когда въ столицахъ его, какъ въ центральныхъ фокусахъ знанія, можно найти геніальныхъ врачей въ родѣ Боткина, Захарьина, – но то, когда въ любомъ захолустѣ, въ случаѣ недуга, вы найдете просто врача, чернорабочаго, но знающаго, опытнаго, дешеваго. Изъ героевъ, избранниковъ, вдохновляемыхъ призваніемъ, какъ выходили, такъ и будутъ выходить Захарьины и Боткины; а добросовѣстно практикующую, ремесленно медицинскую чернь – чернь и выдѣляетъ: чернь учащаяся, которая зубритъ лекціи да выдерживаетъ скучныя испытанія, утѣшая себя, что не боги же горшки обжигаютъ, авось выучуесь и себѣ на прокормъ и добрымъ людямъ на пользу.

Намъ, въ Россіи, по громадному ея пространству и населенію, медицинскіе чернорабочіе столь же необходимы, какъ Боткины и Захарьины, если еще не въ большей

мѣрѣ. А чернорабочія и того необходимѣе. Русская глушь ждетъ женской врачебной помощи жарче, чѣмъ всякой иной. За послѣдніе годы въ деревнѣ, я неоднократно убѣждался, что крестьянство наше относится гораздо съ большимъ довѣріемъ къ медицинской помощи, исходящей отъ женщины, чѣмъ къ врачебнымъ познаніямъ мужчины. Врачъ для него прежде всего – чиновникъ, ваше благородіе: женщина-врачъ – тоже прежде всего – «болѣзная» лечащая барыня, съ которою можно попросту и по душамъ. Мнѣ рассказывали и читать приходилось, будто въ иныхъ мѣстностяхъ крестьяне женщинъ-врачей принимали дурно, не хотѣли у нихъ лечиться. Я думаю, что въ такихъ случаяхъ скорѣе всего сами женщины-врачи были виноваты, не сумѣвъ сразу поладить съ крестьянами, подчинить ихъ своему авторитету. Какъ можетъ крестьянинъ «принципіально» протестовать противъ женщинъ-врачей, когда любая помѣщица или дачница, балующаяся медициною, какъ любительница, по Флоринскому, – стоитъ ей удачно помочь хоть одному недужному, – быстро отбиваетъ больны-

хъ у докторовъ и фельдшеровъ земскихъ станцій? А женскія болѣзни, которыя деревенская баба несетъ къ доктору развѣ лишь послѣ того, какъ вовсе не стало мочи терпѣть, и продѣланы надъ несчастною уже всѣ знахарскія изувѣрства, ожесточившія и обострившія недугъ, и безъ того тяжкій? А нашъ мусульманскій Востокъ съ его гинекеями? А еврейство? А раскольничій міръ?

Намъ нужны не единицы, не десятки, даже не сотни женщинъ-врачей, а нужны ихъ тысячи. Намъ нужна женская медицина не какъ аристократически-научное сословіе, но какъ демократическая рабочая сила, цѣлительно разсѣянная въ стомилліонномъ народѣ, дурно питаемомъ, много работающемъ, мало зарабатывающемъ, много болящемъ. Массу можетъ породить только масса. И вотъ почему особенно то жаль, что массу женскую отсылаютъ вспять. къ очагу и прялкѣ, оставляя во храмѣ науки лишь незначительное количество избранницъ. Очень можетъ быть, и давай имъ того Богъ, что изъ избранницъ этихъ выйдетъ на каждый курсъ по Захарьину и Боткину въ юбкахъ, но, при-

знаюсь, было бы радостнѣе узнать, что, хотя выпускъ не далъ *еще* ни одной Захарьиной и Боткиной, зато въ Царевококшайскъ уже поѣхала съ него дѣльная Иванова, въ Белебей знающая Петрова, въ Волковыйскъ опытная Сидорова и такъ далѣе, и такъ далѣе – по всѣмъ медвѣжьимъ угламъ и закоулкамъ. Создайте образованную массу, а исключительныя-то личности возвыситься надъ нею всегда сами успѣютъ. На то онѣ и исключительныя.

VI. Назарьева

Бѣдная К. В. Назарьева! Рано унесла ее смерть.

Я мало зналъ покойную, начавъ встрѣчаться съ нею нѣсколько чаще, лишь съ начала изданія «Россіи». Въ первые мѣсяцы нашей газеты въ редакціи нерѣдко было можно видѣть скромную – всю въ черномъ – фигуру писательницы, съ оригинальною, коротко стриженою головою, съ желтоватымъ лицомъ, освѣщеннымъ безпокойными глазами, полными затаенной и нерадостной мысли. Это была Капитолина Валерьяновна Назарьева. Сотрудничество ея у насъ не сладилось. Ей хотѣлось писать маленькій фельетонъ, но, во-первыхъ, фельетоновъ у насъ было тогда хоть прудъ прудить, а, во-вторыхъ, она – беллетристка по натурѣ – совсѣмъ не умѣла писать фельетонъ, и мелко, бисерно написанныя странички ея рукописей читались вяло и сонливо. Больше успѣха имѣла Капитолина Валерьяновна, когда, работая въ «Сынъ Отечества», вела отдѣлъ маленькихъ морсеахъ о провинціи, подъ псевдонимомъ Н. Левинъ,

хотя самостоятельности и яркости и здѣсь проявила немного. Не спѣлись мы и на счетъ большого романа, который А. В. хотѣла помѣстить въ «Россіи», — не по нежеланію редакціи пріобрѣсти у нея эту работу, а по невозможности втиснуть романъ въ содержаніе нашего фельетоннаго года.

— Не извиняйтесь ужъ! — съ горечью говорила она: — знаемъ мы васъ! Мужчинѣ съ именемъ, небось, нашли бы мѣсто. А мы, женщины, несчастныя: всюду намъ — вторые номера. Работаешь-работаешь цѣлую жизнь, а нѣтъ тебѣ хода впередъ. Такъ на второмъ номерѣ и сиди до смерти.

— Вотъ, — слышалъ я отъ нея въ другой разъ — вы хоть откровенны: прямо признаетесь, что не любите нашего женскаго письма, считаете его своего рода литературнымъ *made in Germany*. Быть можетъ, вы и правы. Но согласитесь: можетъ ли быть иначе? Возьмемъ въ примѣръ меня. Я пишу давно, издала не одинъ десятокъ романовъ, множество повѣстей, рассказовъ, писала для театра. Имѣю литературное имя. На моихъ сочиненіяхъ сколько издателей нажилось.

Но – въ концѣ-то концовъ – что же? Тотъ же вѣчный пятакъ, пятакъ и пятакъ, и необходимость слѣпить изъ пятака три-четыре тысячи рублей въ годъ, нужныя, чтобы жить въ Петербургѣ не вовсе бѣдно и поддерживать своихъ близкихъ. Такъ удивительно ли, что начиваешь расплываться въ *made in Germany*, топить въ ремесленныхъ строкахъ природный талантъ? И, при томъ, эта страшная неувѣренность въ заработкѣ, эта всегдашняя готовность вашего брата, журналиста, отодвинуть насъ, женщинъ, на задній планъ. Легкое ли дѣло писать романъ, а – тѣмъ временемъ въ головѣ стучить мысль: куда я его дѣну? Здѣсь, положимъ, благосклонно примутъ, тамъ – съ удовольствіемъ возьмутъ «почитать». А вдругъ туда Чеховъ повѣсть дастъ? сюда Немяировичъ-Данченко романъ напишетъ? Ну, и получай, Калпитолина Валерьяновна, дѣтище свое обратно и неси его на какой-нибудь литературный погостъ, гдѣ издатель-могильщикъ скупааетъ «имена» чуть не на фунты, по вѣсу манускрипта. Рабство!.. Вы говорите: *made in Germany*. Да какъ же иначе-то? Вѣдь – помимо всякихъ психологій

творчества, станьте-ка на почву экономического расчета. Чтобы заработать рубль, Немировичу-Данченко нужно написать три-четыре строки, а мнѣ двадцать. Стало быть, – опять-таки, оставляя въ сторонѣ и размѣры талантовъ, и симпатію публики, и взгляды, – намъ, женщинамъ, чтобы жить литературою, наравнѣ съ мужчинами, надо имѣть вшестеро, всемеро сильнѣйшую производительность, энергію, устойчивость труда. Васъ въ состояніи прокормить уже часъ работы въ сутки, трудиться больше – ваша добрая воля, а я, если не буду гнуть спивы надъ письменнымъ столомъ съ утра до вечера, такъ и сыта не буду. Какъ же, при такихъ условіяхъ, не развестись женскому литературному *made in Germany*.

Соглашаясь съ замѣчаніями К. В., я, однако, указалъ ей на дорого оплачиваемый трудъ нѣкоторыхъ русскихъ женщинъ-писательницъ, напр., Смирновой, Микуличъ, произведенія которыхъ отнюдь не подходятъ и подъ уровень *made in Germany*.

– Да это не профессионалки, это гастролерши, – возразила Назарьева, – онѣ пишутъ пол-

тора раза въ годъ и не отъ литературы получаютъ главныя средства къ жизни. Ахъ, если бы я имѣла возможность прожить нѣсколько лѣтъ, не нуждаясь въ литературномъ заработкѣ, разсматривая его, лишь какъ прибавку къ доходу! Повѣрьте, что и я сумѣла бы отшлифовать нѣсколько повѣстей и рассказовъ, послѣ которыхъ строка моя ужъ, конечно, не въ пяточокъ бы цѣнилась. Вы посмотрите: какъ много изъ насъ, женщинъ, блистательно начинаютъ, и какъ мало хорошо продолжаютъ и кончаютъ. Это потому, что обыкновенно начинаемъ-то мы еще спокойными, сытыми дилеттантками, либо съ жалованьемъ супруга, либо съ попечительными папашею и мамашею за спиною, а продолжать-то и кончать приходится уже нищими профессионалками, трепещущими за кусокъ хлѣба, изнывающими въ роковой конкуренціи и между собою, и съ мужскимъ трудомъ. Дама-писательница! дама-романистка! Сколько насмѣшекъ, сколько обиднаго снисхожденія!.. Тяжело, А. В.! И – что удивительнаго, если многія изъ насъ на корню вянутъ, а бывають и такія, что, стараясь облег-

читать себя трудъ, перерабатываются въ авантюристокъ печати, плагиаторшъ подъ шумокъ и т. д. Виновны, но заслуживаютъ снисхожденія. Не будемъ называть именъ, но одна изъ моихъ коллегъ, напр., чуть не половину разъ сказовъ Мопассана передѣлала на русскіе нравы подъ своимъ именемъ. Перутомленная голова не работаетъ, сюжетовъ нѣтъ, а ѣсть надо, и башмаки рваные: достань двадцать рублей, откуда хочешь, — стало быть, четыреста строкъ хоть роди да подай. Ну, и пошла переряживать «Mademoiselle Fifi» въ «Поручика Фифкина», а «Maison Tellier» въ «Заведеніе купчихи Телкиной». Снесетъ эти лохмотья въ какое-нибудь журнальное захоlustье поневоѣжественнѣе, — точно перекрашенную собаку на рынокъ сведетъ. Получить деньги, — рада. А напечатаютъ рассказъ, — трясется недѣли двѣ, ни жива, ни мертва: уличать въ плагиатъ или нѣтъ? Господи! помоги, чтобы не уличили!.. Вотъ какой проклятый хлѣбъ! А Ю. — Капитолина Валерьяновна назвала очень извѣстное имя, — какія художественныя вещи привезла она съ собою, когда только что появилась въ Петербургъ изъ

провинці! Вѣдь ей Салтыковъ рукоплескалъ, Михайловскій пророчилъ, что она русскою Жоржъ-Зандъ будетъ. И что же теперь? Выбрасывала-выбрасывала строки, какъ машина, и дописалась до того, что даже русскую грамоту позабыла, слогъ потеряла, пишетъ: «Проходя мимо деревни, острые глаза незнакомца обрѣли въ расщелинѣ мѣстности прелестную голубоглазую блондинку съ черными, какъ смоль, волосами»...

Надо отдать справедливость самой К. В.: при всемъ ужасномъ, каторжномъ, можно сказать, многописаніи своемъ, она сберегла и слогъ, и технику сочинительства – въ гораздо большей мѣрѣ, чѣмъ большинство ея товарокъ по ремеслу. Недостатками ея работъ были вялый, шаблонный объективизмъ, отсутствіе нерва, личной возбудимости темою, что накладывало на ея статьи оттънокъ тусклости и трафаретной прямолинейности. Не было новизны, свѣжести чувства, искренней находчивости, красокъ, изобрѣтательности, образности. Читаешь ее; бывало: выражаетъ она радость, скорбь, негодованіе, – и все, какъ будто, не сама она это радуется, негодуетъ, но

только справясь въ кодексъ литературныхъ приличій, повторяетъ оттуда наизусть исконную формулу радости, скорби, негодованія, въ данномъ случаѣ принятую и давностью освященную. Беллетристка въ К. В. пропала несомнѣнно очень хорошая. Даже при проклятыхъ условіяхъ made in Germany, ея романы, написанные красиво, осмысленно, безъ вычуръ декадентства, въ мягкихъ акварельныхъ тонахъ, читались среднею публикою не только съ занимательностью, но и съ пользою. Въ нихъ дрожали, хотя и слабымъ, но постояннымъ отраженіемъ, свѣтлые лучи шестидесятыхъ и семидесятыхъ годовъ, — перо Назарьевой не осквернилось проповѣдью эгоистическаго «сверхчеловѣчества», сословной и расовой ненависти, сочувствіемъ мракобѣсію и грубой силѣ. Это была труженица скромная, но честная, гуманная. Миръ ея праху!.. Вѣчный покой ея бѣднымъ, усталымъ надъ бумагою глазамъ! Вѣчный покой этому грустному и боязливому взору работницы неудачницы, которой вся жизнь была сплошною борьбою за существованіе, которая всю жизнь, изнемогая, катила въ гору Сизифовъ

камень, и наконецъ онъ все-таки сбросилъ бѣднягу подъ гору въ раннюю могилу, раздавилъ ее и накрылъ, какъ грозно-насмѣшливый памятникъ въ честь скорбей и печалей, переживаемыхъ русскимъ женскимъ трудомъ.